18+

РЕПИН ВЯЧЕСЛАВ БОРИСОВИЧ

ПОСЛЕДНЯЯ ОХОТА ПЕТРА АНДРЕИЧА

ПОВЕСТЬ

Вячеслав Репин

Последняя охота Петра Андреича. Повесть

«Издательские решения»

Репин В. Б.

Последняя охота Петра Андреича. Повесть / В. Б. Репин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850275-0

«Последняя охота Петра Андреича» — известная повесть живущего во Франции писателя-эмигранта, написанная в период перестройки.Предлагаемая читателю трагическая фабула написана в традициях русской классической литературы и повествует об охоте, о превратностях русской жизни, о судьбе военного человека, оказавшегося зажатым в тиски между служебным долгом и своей совестью.… Высокопоставленный офицер Генштаба отправляется с проверкой в южный гарнизон России. В Москву генерал так и не возвращается…

ISBN 978-5-44-850275-0

© Репин В. Б.
© Издательские решения

Последняя охота Петра Андреича
Повесть

Вячеслав Борисович Репин

© Вячеслав Борисович Репин, 2017

ISBN 978-5-4485-0275-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero



Paris 1992—1993

Утро выдалось непогодистое. Низкая облачность, ожидаемая на ближайшие дни, затянула московский регион еще с вечера. Грозовой фронт держался ниже обычных показателей, на ближайшие часы прояснений не обещали, ожидались сильные осадки, грозы с градом, со шквалами и резкое похолодание.

Такие метеосводки с четырех утра получал штабной дежурный. Часть этих сведений приходилось отсеивать. Другие передавались дальше. Распоряжений о возобновлении штатного режима полетов так и не поступало…

Городские окраины застилал туман. Ночной мрак оставалась непроглядным, рассвет даже не чувствовался. В рваном грузном месиве осенней ночи что-то шевелилось и переворачивалось с боку на бок, словно большое, по неосторожности разбуженное животное. Насыщенный осенней прелостью воздух обжигал свежестью и еще чем-то острым и неприятным…

Несмотря на приостановку полетов, оживление перед летным полем царило обыденное задолго до рассвета. В начале седьмого диспетчер дал согласие на прием транспортного борта, запросившего разрешение на посадку вне графика. Приземлившийся армейский «туполев» вывернул с посадочной полосы, вплыл в зону освещенных стоянок и еще не успел вырулить на отведенный ему квадрат бетона, как из бокового входа в служебные корпуса высыпала группа солдат.

Подтянув хвосты и сгруппировавшись, рота обогнула газоны. На плаце перед ангарами офицер разбил подразделение надвое. Два взвода направились вместе с ним в сторону прибывшего транспортировщика. Остальные двинули врассыпную к открытому ангару на помощь уже задействованному там отделению.

Дежурное отделение подняли на ноги среди ночи для подготовки срочного рейса, который планировали отправлять, судя по всему, в любую погоду. Погрузка здесь не прекращалась. Без шапок, гимнастерки нараспашку, солдаты работали без перекуров, выглядели изнуренными. Но даже в этом ритме, видимо, не успевали уложить в заданное время.

Мертвая, но уютная темнота, в желтом свете фонарей казавшаяся всё же обжитой и наполненной каким-то невидимым присутствием, раздалась с рассветом холодной синевой, а затем мутная, промозглая серость смяла под себя только что проступившие очертания зданий и земляных насыпей. Понемногу становились различимы и многочисленные пристройки всего военного аэропорта, лохмотьями маскировки завешанная техника. Обширное летное хозяйство, чем дальше, тем, казалось, всё больше уплотняется, и вдали, где-то уже в стороне от безжизненных взлетных полос, превращалось в сплошное нагромождение.

Голое бетонное пространство, лоснящееся, как от масла и обрывающееся в туман, оживало с каждой минутой. Перед выстроенными в ряд крупнофюзеляжными самолетами появился топливозаправщик. Техперсонал засуетился со шлангами. Грузовой электрокар, сопровождаемый вереницей прицепов, в который раз проделывал один и тот же маршрут, издавая жужжание и не переставая подскакивать, как радиоуправляема игрушка. Прицепы вновь и вновь подгоняли к дальнему самолету, прибывшему ночью с Аравийского полуострова. Из трюма «Ил-76» будто из прорвы выкатывали контейнеры, горы ящиков и даже тележки с обыкновенными чемоданами.

Суета вокруг стоявшего в стороне пассажирского «Яка» наоборот приутихла. Приготовления к вылету закончились, диспетчер дал добро на вылет. В ожидании своих пассажиров и последних распоряжений самолет запустил турбины. Один из пилотов вышел на невысокий трап, передергивался от холода, торопливо курил и наблюдал за караульными возле диспетчерской.

С автоматами, в шинелях, но без шапок, в ожидании разводного двое солдатиков забавлялись с овчаркой, пытались натравить собаку на стаю ворон. Овчарка порывалась. Но то один, то другой хватал ее за хвост. Большая лохматая собака не понимала, что от нее хотят, и вскакивала на дыбы, с ловкостью двуногого бросаясь лапами на грудь солдатикам.

Вдали наконец забрезжил свет автомобильных фар. На дальней развилке со шлагбаумом, где дорога раздавалась надвое и выводила к зданиям и к летному полю, в просветах размытой туманом березовой рощи замелькали фары быстро движущихся машин.

Не сбавляя скорости, черная «ауди» и «волга» вырулили на бетонную гладь, подвернули к трапу дожидавшегося «Якушина» и дали по тормозам.

Из первой машины выскочил молодой, сухопарый прапорщик. За ним, распахнув все дверцы одновременно, высадилось еще двое офицеров, тоже в полевой форме. Невысокий, спортивного сложения полковник в кителе держал шинель в руках. Его долговязый и непроспавшийся напарник с майорскими погонами предпочел одеться в верхнее. Из второй машины вышел генерал, высокий, статный, не первой молодости, но из тех, кому трудно бывает дать точный возраст. Свою фуражку и шинель генерал сунул в руки прапорщику и на миг задержался перед машиной, зачем-то осматриваясь по сторонам.

Пилот на трапе спустился на ступеньку ниже, поймал на себе взгляд генерала, встал навытяжку и козырнул.

Генерал ответил сухим кивком и продолжал озирать аэродром, рядом стоящие самолеты и усердствующих у подтрапников грузового «илюшина» солдат, которые выгружали из трюмов что-то мелкое, тяжелое.

Солдатики, как по команде, удвоили усилия. Ящики передавались из рук в руки с лихорадочным рвением. В безмолвном старании солдат угадывалось что-то показное, а вместе с тем умение работать слажено, о чем они и сами, по-видимому, не догадывались.

Генерал вопросительно уставился на пилота, которого видел впервые.

– Шаповалов?

– Так точно, товарищ генерал!

– Почему с вечера не проинформировали? Что за неразбериха с метеосводками?

– Задержка отменена, товарищ генерал! Всё в порядке, можем лететь, – выдал пилот.

Но это и так уже всем было известно. Повернувшись к офицерам, генерал подстегнул их:

– Тогда, давайте, без канители…

Пилот, словно оправдываясь, добавил:

– Еще с час назад стеной висело. На всю область. В этот период – обычное дело. Нам только взлететь, а там чисто, солнечно…

Прапорщик передал вещи генерала пилоту в руки и вернулся к «ауди», в которой тот приехал. С заднего сиденья машины младший офицер извлек два одинаковых кожаных портфеля. Молоденький водитель передал ему длинный, пухлый чехол защитного цвета. Подхватив вещи в охапку, прапорщик понес багаж в самолет.

Водитель «волги», квадратного сложения бритоголовый ефрейтор, выдал по портфелю полковнику и майору, после чего достал из багажника еще один чехол, такой же на вид, как и первый, унесенный прапорщиком в самолет, но из брезента более изношенного, тоже продолговатой формы и с чем-то тяжелым. Полковник принял чехол из рук ефрейтора и вернулся к машине за оставшимися вещами.

Офицеры переглянулись, пропустили генерала вперед, и вслед за ним один за другим взбежали по ступенькам трапа на борт…

Накануне вечером, когда генерал-майор Серпухов вызвал к себе ближайших подчиненных – «быть всем как штык, ровно в пять, с ударом стрелки», – когда он объявил собравшимся офицерам, что рано утром они вылетают с ним на проверку в одну из тыловых частей, – по лицам присутствующих пробежало недоумение.

Удивлял не тон вызова на совещание. Серпухов любил вызывать как на пожар, любил закручивать гайки. Маниакальная пунктуальность, умение чем-нибудь огорошить, взять голыми руками – генерал не один прибегал к этим избитым методам. Поднять в подчиненных «боевой дух» муштрой вряд ли удавалось. Но некоторых взбадривало. Удивлял не сюрприз с поездкой, назначенной как-то уж слишком неожиданно, а всё же сама ее цель.

Проверками Серпухов не занимался, для этого в штабе имелись другие чины и другие отделы. Если такие обязанности и выпадали на его долю, то не чаще, чем раз в год, да и ограничивалось это столицей или ближайшим Подмосковьем. В таких случаях распоряжение поступало от самого командующего и всегда рассматривалось как особое. При этом все знали, что участие Серпухова в инспекциях и проверках отвечает скорее его служебной рьяности, чем реальным нуждам Вооруженных Сил и командования.

Проверять вдруг решили отдаленную часть. Ни с того ни с сего гнать целую штабную команду в глушь, к черту на кулички – такова была поставленная задача. Артсклады – в них и собирались наводить марафет – числились как обыкновенное хранилище военного имущества. Для текущей штабной текучки жизнь гарнизона не имела никакого значения. Странно было то, что о складской части вообще вспомнили именно сейчас, после лета и отпусков, когда работы в штабе и без того было невпроворот. Готовились переводы, шла подготовка к учениям у северных границ, перекраивались целые отделы. Перестановки наверху, начатые до отпусков, а от них всегда попахивало неприятностями, оборачивались извечным переполохом во всех управлениях и соподчиненных службах.

Необычной офицерам представлялась и организационная составляющая поездки. Им предстояло лететь, а не ехать. В непосредственном служебном окружении генерала все прекрасно знали: Серпухов никогда не летал, лишь в редких случаях. Поговаривали, что в молодости генерал пережил авиакатастрофу, остался цел, но с тех пор имел «пунктик». А поэтому

всегда, когда это было возможно, предпочитал поезд, несовременное, но надежное и спокойное средство передвижения. Поездку в мягком вагоне под вечер скрашивала бутылка водки или коньяку. Генерал обычно звал к себе в купе. Сопровождавшие его офицеры с воодушевлением распивали с начальником припасенную выпивку и даже научились брать с собой свертки с домашними котлетами. Традиция давно была принята на вооружение. Для некоторых не было секретом, что Серпухов притормаживает по службе офицеров, которые плохо переносят спиртное. Но кто любит трезвенников? Разве что, их жены. Генерал явно не относил этот тип к контингенту, на который готов был опереться.

Особый эффект на подчиненных произвело и то обстоятельство, что командующий округом выделил личный борт. Всё это лишний раз напоминало, что Серпухов, занимавший в штабе округа неброскую должность, являлся далеко не последним штабным исполнителем. Командующий не одарил бы такой милостью человека, которого не ценили бы где-то выше. Отсюда нетрудно было вывести и всё остальное: безбедная, наперед прокатанная карьера стелилась перед генералом Серпуховым красной дорожкой. На что еще жаловаться? На то, что не очень везло в семейной жизни? Но часто ли это зависит от карьеры?

Серпухов был женат дважды. От первого брака он имел сына, по слухам литератора; годы назад единственный отпрыск чуть было не эмигрировал на Запад. Кое-кто из бывалых штабных служак знавал и первую жену генерала, и вторую. Поговаривали, что последняя была необычайно красивой для жены военного и не имела отбоя от высокопоставленных ухажеров. Не случайно она подала на развод и вышла замуж за сослуживца мужа. И не случайно нового мужа стали прижимать: вскоре он впал в опалу и тянул лямку до выслуги лет на китайской границе. Серпухов не любил прощать просто так, за красивые глаза, и явно поднасолил сопернику. Эта репутация, как хвост тянувшаяся за генералом, вызывала понятную натянутость и даже осторожность в отношениях с ним сослуживцев. Личная жизнь не клеилась, но Серпухову слишком везло по службе.

Из всех офицеров, вызванных в кабинет генерала, лишь один полковник Рамушкин, которого подняли из постели, не дав ему отлежаться после только что перенесенной пневмонии, мог догадываться об истинных причинах внепланового турне.

По окончании совещания, выдворив всех за дверь, Серпухов попросил полковника остаться:

– Владимир Генрихович, я вот что хотел… Садись… – Серпухов снял очки, скользнул вопросительным взглядом по лицу подчиненного.

Рамушкин занял место напротив.

– Читай. – Генерал протянул бумагу.

Полковник пробежался глазами по документу и с удивлением уставился на начальника.

– Да-да, вот так. Тыловики наши отличились. У них там кино. Насмотрелись… Кто-то приторговывает имуществом. Да как бы не оружием. Но это строго между нами. Наши ведут расследование. По линии ГРУ, без шума. А мы пока должны проверить по нашей линии, чтобы не было нареканий. А то потом начнется… В курсе только ты и я, прими во внимание. Если заметишь что-то существенное, докладывай мне. Всё ясно?

– Ясно, товарищ генерал.

– И вот еще что…

Чтобы переполоха не началось, я местные власти попросил охоту организовать. Что думаешь?

– Отличная идея.

– Так что ружьишко прихвати с собой.

Рамушкин кивнул.

– Возьму. Обязательно. Амуницию какую лучше брать? – уточнил полковник.

– Всякой возьми. – Серпухов отвел взгляд в окно. – По мелочи. Что там может быть? Птица, заяц… Давно охотился в последний раз?

Рамушкин помедлил и обезоружено, немного как школьник, почувствовавший, что ему простят невыученный урок, признался:

– Да еще с Сибири. Давно.

– Этим летом?

– Нет, с прошлой зимы. С отпуска.

– Ну вот и отлично. Проветримся. – Серпухов надел очки и открыл на рабочем столе бумаги. – Можешь идти…

Осенившее полковника Рамушкина предположение, что Серпухов решил побарствовать за счет Минобороны, не могло не промелькнуть у него в голове. Даже в деле такой важности генерал не мог удержаться от злоупотребления своим положением и охоту, скорее всего, попросту приурочил к командировке. Сочетать приятное с полезным в штабе умели. Но бывает ли в верхах по-другому? И кто рассудит по справедливости, что для людей, близких к власти, можно считать заслуженным, а что злоупотреблением? Где эта грань? И кто мог провести здесь четкую черту?

Однако генералу следовало отдать должное: он злоупотреблял не чаще чем другие. В отличие от многих Серпухов имел безукоризненное чувство меры и никогда не переступал известной черты. Это отличало его от других штабных чинов. Кроме того, Рамушкин прекрасно знал о давнем пристрастим Серпухова к охоте, как и Серпухов знал о слабости к охоте полковника Рамушкина. В позапрошлом году Серпухов даже пригласил его с собой в два выезда, а после этого стал ему заметно благоволить.

Стоит людям подловить друг друга на каком-нибудь пороке, слабости, как их начинает связывать порука. От порока до поруки – один шаг. Однако не склонный по натуре к переливанию из пустого в порожнее, Рамушкин остановился на простом и привычном для себя выводе: в мире непрерывных причинно-следственных связей не бывает одной доминирующей причины. Причин так же много, как и взаимосвязей. И каждая из этих причин в равной степени может быть весомой и значимой, поскольку взаимодействие зиждется не на отрицании, а на зависимости одной составляющей от другой – на естественной иерархии вещей, которая свойственна самой природе.

Что-то в этом духе сын-студент недавно цитировал ему из «Войны и мира», пытаясь доказать бесполезность высшего образования в том виде, в котором оно предлагается сегодня в России.

Осень выдалась поздняя и недождливая. По центральным областям уже прошли первые заморозки и зарядили туманы. Но полесья, полыхающие средь бела дня, как костры из сухостоя, даже в равнинных областях временем еще не тронуло.

Природа будто проштрафилась и не знала, куда деваться, чем расплачиваться за свое верхоглядство. Впопыхах, немного по-женски, она замазывала всем глаза, задаривая напоследок всем, чем умела.

Леса стояли в выжидании. Расстояние выстрела – эта дистанция почему-то всегда отделяет в России леса и рощи. Отчего они и напоминают иногда зачинщиков какой-то пагубы, да еще и прозревших, которым вдруг открывается безнадежность задуманного, но уже не удается повернуть всё вспять. Время как всегда упущено.

В южной полосе засуха держалась с мая, и поля в этом году убирали выборочно. Год выдался неурожайный, зима предстояла трудная. Но для приросшего к земле местного люда, который жил одним днем, погодой и больше зависел от божьих прихотей, чем от качества химикалий, от засухи жизнь лишь упрощалась. Да и появлялась наконец возможность заняться как следует своим собственным хозяйством.

Звеногов Пётр Андреич, первый егерь при местном охотничьем обществе, не просыхал от своих трудов всю осень. Хозяйственный сезон он заканчивал позднее всех своих соседей. На небольшой летней даче, которую ему удалось приобрести пять лет назад, в те времена, когда обзавестись клочком земли было еще возможно по распределению на работе или просто с дележа выморочного имущества, – Звеногов уже с осени готовился к весенним работам.

В саду из нескольких соток планировались большие переустройства. Предстоящая пересадка виноградника, который ему удалось выпестовать на удивление всему дачному околотку, требовала решительных мер. Виноградник разросся и уже хорошо плодоносил, но вдруг стал чахнуть. В чем причина, Звеногов не мог разобраться. Какой-то просчет получился с выбором почвы. А может быть, правы всё же соседи: близлежащий овраг, расползавшийся вдоль дачного поселка, и оросительные канавы, приносили с полей излишнюю сырость или отраву от удобрений. В ассенизаторы выбьешься хочешь не хочешь.

Пересадку виноградинка предстояло делать полную. Работа ждала щепетильная. Помимо тщательных расчетов, дело требовало настоящих навыков. Рассчитывать же приходилось только на себя.

Время настоящего охотничьего сезона еще не подошло. С первых чисел октября кое-кто пытался ходить на птицу. Отстреливали в основном фазана. Хотя фазан тоже встречался всё реже. Настоящие места мало кто знал. А шарить по лесу вслепую, выискивая выводки наугад – такие охотники давно перевелись. Поэтому серьезных выездов пока не намечалось, не набиралось достаточного количества желающих.

Час-другой с утра, короткий рабочий день, выходные, – свободного времени набиралось немало. Но даже без выездов дни пролетали в трудах, конца которым не было видно и на даче, и по хозяйству в городе, тоже немалом на одного – куры, кролики, огород. Звеногов не успевал осилить и половины задуманного на день.

Звонок Дякина, председателя местного охотничьего коллектива, раздавшийся вечером в воскресенье, застал Звеногова врасплох.

– Андреич, ты? – гаркнул Дякин в трубку. – Ало? Ты чего молчишь?

– А кого ты хотел услышать?

– Ну что? Чем занят, старый плут? – Сквозь бесцеремонный гонорок председателя просачивались медлительные нотки.

– Да всё тем же. Чем тут будешь занят?

– Ну вот какие у нас дела, Андреич… – Председатель от души вздохнул. – Работенка есть.

– А то б звонил… Говори. Не тяни за душу.

– Тут дело такое… Из Москвы генерала к нам везут. Звонили мне только что из горисполкома. – Дякин осекся и тяжело запыхтел. – Ты чего молчишь? Устраивать будем охоту, Андреич. Да такую, чтоб…

– Чтоб дым столбом.

– Ты вот что, слушай лучше! Слова не дашь сказать… – Председатель повысил тон. – Андреич, я о чем подумал…

– Да кто такой? – спросил Звеногов. – Ты чего так разволновался?

– Да генерал, говорю! Шишка. Не то что, понимаешь, наши. Таких клиентов, Андреич, раз в десять лет и то – ищи-свищи.

– Крякву, небось, палить, как прошлой осенью.

– Какую крякву! Что ты за человек такой? – Задыхаясь от нетерпения, председатель продолжал уже на радостных нотках: – Охо-отник! Да говорят, редчайший! А что? Не может быть? Хоть и генерал… Так что смотри мне! Подбери местечко. Горисполкомовские тоже пойдут. Да и военные из части. Полковник их, ну этот, Поликарпыч брюхатый, он всем и заправляет. Не подведи, слышь? А то ведь житья потом не дадут. Поувольняют к чертовой матери. До пенсии не дадут доработать…

– За нас не переживай, – успокоил Звеногов. – На когда намечают, говоришь?

– После-после завтра. С утра пораньше и пойдем.

– В эту среду, что ли? Да что за пожар?!

– Пожар – не пожар, а в среду, – подтвердил председатель. – Ты меня понял? Прилетают послезавтра. Ну а там… Куда поведем, Андреич? В балку?

– А куда же еще? Да рядом, по пашне можно пройтись.

– Разрешение я тебе даю, соображаешь? Бейте, но так чтобы, чин – чином, без позора…

Дякин бросил трубку. И был таков.

Стараясь пересилить раздражение, но едва ли отдавая себе в этом отчет, Звеногов глазел в окно на свой выгоревший огород. И так просидел в раздумьях некоторое время. Беспричинное, смутное и, пожалуй, уже возрастное раздражение не находило себе выхода. Что-то снедало его изнутри, разливаясь в душе отравой. И это происходило каждый раз, когда ему предстояло организовывать выезд для начальства. О начальстве пришлом, заезжем и говорить не приходилось. Какое право и кем, собственно, дарованное имело на местную дичь, выпестованную ценой таких усилий, чужое мужичье, чаще всего чванливое, сытое и неблагодарное?

К чувству досады и к боли за общее, но кровное добро примешивалось еще что-то личное, нераспутанное на сердце. Сам с собой Звеногов не артачился, привык расставлять все точки над «i». Раз противно, не служи, говорил он себе. Какого лешего терзать себя, поганить душу? Зачем портить себе кровь, зачем терпеть и маяться годами? Ведь никто не гнал его на эту работу из-под палки. Но в том-то и дело, в том-то и беда, что, стоило ему возглавить очередную охоту, как он увлекался, в какой-то момент снимал ружье с плеча, оно само ложилось в руки, и участвовал в загонах наравне со всеми охотниками. Ну какая, спрашивается, разница, кто съехался: окрестный сброд или местное начальство? Охота есть охота. На этом всё и держалось вот уже столько лет.

Тон Дякина вызывал досаду еще и потому, что председатель собирался учувствовать в выезде. Звеногов понял это с полуслова. Как пропустить такую возможность, ведь ехало всё местное начальство? Дякин любил полебезить, умел помаячить на виду. Всё еще надеялся выслужить лизоблюдством неведомо какие предпенсионные блага. Сам факт, что председатель давал ему «разрешение», означал, что всю ответственность он взваливал на его плечи, на егерей. Сам рук марать не собирался.

Заверения Дякина, что на этот раз придется иметь дело с настоящим охотником, сбивало Звеногова с толку и еще больше усугубляло его сомнения. Откуда им сегодня взяться, настоящим охотникам? Среди местных таких охотников днем с огнем не сыщешь. Сегодня их можно было бы выставлять напоказ в местном краеведческом музее. Кто-то уже и предлагал, да совсем не в шутку, собрать егерей гурьбой в один из рабочих дней – всех как есть, стар и млад, в сапогах и с ружьями, – заснять всех на пленку и вывесить фотографии в музее на радость легковерам, дуракам или местным очковтирателям из мэрии. Какие, мол, мужики, какой народ населяет край охотничьего промысла! Не преуспели, мол, в конвейерной сборке тракторов. Зато из ружья замочим кого угодно!

Но и раньше, за долгие годы егерской службы настоящих охотников Звеногову приходилось встречать не часто. Не в счет был, разве что, старичок кореец, на пару с которым они охотились годы назад. Но человек не местный – охотничья гильдия в свои ряды его не пускала. Кореец слыл не охотником, а скорее знахарем. Состояние любой двустволки он умел определять по щелканью курков и даже цевья. А к тому же последним в округе кореец держал псарню. Чем и нажил себе друзей и недругов. Злые языки договорились до того, что пропитанием, мол, старик-кореец обеспечил себя до конца дней. А может, и не только себя одного. Басурманину, мол, закон не писан.

На пару с корейцем они ходили в поля, в рощи у карьеров, на болота. И что один, что другой предпочитали отстреливать птицу. Какое-то время старик-кореец перестал у Звеногова

появляться. Говорили, что заболел, слег. Звеногов всё собирался навестить его, узнать, в чем дело. Но не находил времени и откладывал визит со дня на день. Так что впору было бы спросить себя, не загулял ли дед на тот свет, прямым ходом в свои райские кущи с павлинами, которые умел расписывать со свойственной ему чудаковатостью. Во время охоты кореец бывало расписывал картины иных миров с такой достоверностью, что от разговоров с ним по спине бегали мурашки.

Остальная масса охотничьей братии – городская верхушка, кое-кто из военных и прочее мужичье из округи – весь этот люд представлял собой отпетый сброд браконьеров. Все иллюзии на этот счет у Звеногова давно рассеялись. Кого ни возьми, в охоте никто ничего не понимал. А много ли требовалось от человека? С одной стороны, нужно-то всего лишь самое малое: куда можно стрелять, куда нельзя. Ведь простые чувства человеческие, понимание того, что хорошо, что плохо, привить можно и дубине. Тяге же к лесу, к ружьям, к мужскому обществу учить вообще не приходится: мужчинами рождаются, а не становятся. С другой стороны, как обойтись без особой веры, без особого отношения к жизни, без чувства меры, которое всегда отличало настоящих охотников?

Звеногов не сомневался ни на миг, что если бы не рамки законов, не несговорчивость местных егерей и лесничих, в которых ему удалось вбить с годами хоть какое-то чувство долга, если бы не холуйский страх всех завов и замов из общества охотников после недавней подсудной истории, встряхнувшей не мало пыли в кабинетах областного начальства, – ничто бы не остановило эту рать. Дать ей волю, она давно бы перестреляла в округе всю живность – на шапки, на консервы, на продажу, на мыло…

Егеря не могли отсиживаться в стороне. Как Звеногов не бился, порча проникали и в свои ряды. Упрямых, честных, с чувством к делу – таких выживали. Набирать старались молодежь, чуть ли не пострелят. По давнему, кем-то узаконенному правилу, стариков на этой службе не жаловали. Звеногов был исключением. Его терпели, потому что не знали, как от него избавиться.

Несмотря на свою непокладистость, он никогда не лез на рожон, умел прикидываться, кое-как научился приспосабливаться. Ведь он представить себе не мог, чем бы он занимался, если бы порвал с егерьством. А с некоторых пор он оказался единственным знатоком местной охоты. Все остальные поразбежались. Из-за грошового оклада егеря постоянно увольнялись, и опять приходилось брать пополнение, опять начинать с нуля. Кому обучать молодых егерей? Да и браконьерствовать на глазах у старожила местные не решались. Он знал весь город, и тайное тут же могло стать явным.

В понедельник, за хозяйство взявшись еще на рассвете, Звеногов дожидался девяти утра с мучительным нетерпением. С утра по понедельникам Дякин обычно появлялся на работе. Хотелось сходить в контору и расспросить о предстоящем выезде как следует…

Шел уже десятый час, но контора оставалась запертой. Председатель прогуливал рабочее время. Отперев дверь своим ключом, Звеногов какое-то время помаячил у окон, потом выгреб из печки холодную золу, вынес ее, и больше не знал, чем заняться. Ждать? Возвращаться домой?

Взгромоздившись на стул у окна, егерь глазел на улицу, на пустырь, на сиротливую соседскую козу, привязанную к бетонному столбу, разглядывал выгоревшие, заросшие сухостоем огороды, по краю которых в сторону вокзала тянулась старая заброшенная узкоколейка. По жирным и черным от мазута шпалам разгуливала двойня красавцев-индюков. Вид у обоих был какой-то распоясанный, жалкий. Они кого-то напоминали. Звеногов опять не мог пересилить в себе нарастающего раздражения.

Воздух пронизывала неприятная, насыщенная серостью осенняя тишина. Утро выдалось прохладное. Дряблый ночной пар еще стелился вдали по изрытой буграми, унылой и загажен-

ной пустоши, которая растянулась за окнами до самого спуска. А уже там, за мертвым пустырем и за обрывом, яркий просвет озарял расступающуюся на всю ширь речную впадину и уносился вместе с ней куда-то влево по течению реки.

Холмы по другому берегу, вздымающиеся неровными, мутно-сиреневыми волнами – знаменитые местные холмы, неведомо кем и почему возведенные в этот ранг, – уже с утра затягивала плотная дымка. Туман, всползающий к верхушкам холмов, согласно местной примете, был всегда к похолоданию.

Входная дверь ударила. На пороге вырос председатель с тюком сена.

– Ах вот ты где, Андреич! А я тебе названиваю, названиваю всё утро. Ухо скоро отсохнет.

Дякин был вспарен и красен. Глаза виновато шныряли по сторонам. Таким он бывал с перепою, когда получал нагоняй от жены, сварливой хохлушки.

– На работе я. Где мне еще быть?

Сгрузив в прихожей свой тюк, Дякин спросил:

Ты насчет послезавтра?

Узнал чего нового?

– Узнать-то узнал… – Дякин удрученно засопел и вмиг превратился в невысокого, жалкого старикана; он подошел к письменному столу и стал зачем-то шуровать выдвижными ящиками. – Генерал, значит, из штаба. Каких-то этих войск, ну как их?.. Летит, Андреич, на собственном самолете. Но ты послушай, Пётр Андреич! – По имени-отчеству Дякин обращался к Звеногову в редких случаях. – Звонил я, значит, Поликарпычу, командиру части. Он тут, конечно, при деле, зараза, так я и думал. Ну так вот… Охотник, говорит, такой, что… Не нам с тобой чета. По всей стране ходил, на тигра в Уссурийске, за границей и даже в Африке…

«Четой» Дякину Звеногов себя не считал. Задетый за живое, он с трудом удержал себя от очередных возражений и лишь махнул рукой и обронил:

Да врут, небось. Видали мы эту Африку.

Вот твой характер! Что не скажешь – всё он видел! Всё он знает! – взорвался Дякин. – Говорят был – значит был! На что идти собираются, не знаю. Рассчитывай человек на восемь.

Да ведь не сезон.

Да что ты мне-то песни поешь! Я их что, заказываю, сезоны? Ничего, сами разберутся. У тебя ружья-то наготове, если что?

Нет. – Звеногов отрицательно покачал головой. – Свои не дам, даже не думай.

Да кто тебя просит давать-то? На всякий случай спрашиваю…

Всякий не всякий…

Не могу тебя понять, что ты за человек такой, ну ей-богу?! Ну что тебе стоит?! Попросить что, так в ноги надо кланяться. Убудет на раз-то? Или куркулями будем сидеть? А может, и не попросят. Ты проверь, чтоб вид был, смазка, запах нормальный. Ну, как положено. А то ведь висят, небось, железяками в чулане. Считай – твое рабочее время…

Звеногов сверкал глазами в окно. По опыту он знал, что прекословить бессмысленно. Не мытьем, так катаньем председатель своего добивался, умел брать измором.

– В общем так, Андреич, как на себя рассчитываю. Иди и жди! Чуть что, дам знать…

На дачу Звеногов так и не поехал. Вернувшись домой, он принялся перебирать свое охотничье имущество. Ружей он держал с десяток, в основном старые, некоторые уже негодные, но два-три ружья недавнего современного выпуска вполне могли еще сослужить немалую службу. Разбирать двустволки до винтиков и шпунтиков было его любимым занятием. Смазывать, надраивать стволы, вставлять капсюли в уже стрелянные гильзы и отмеривать пороховые заряды он мог часами напролет.

Он и сам не знал, зачем набил сегодня несколько десятков патронов. Зачем в таком количестве? Звеногов сделал перерыв. И вскоре, не находя себе места, опять вернулся к ружьям.

Председатель Дякин больше не звонил. Наверное больше нечем было поделиться. Или всё действительно шло своим ходом, и намеченных планов никто не отменял.

Летные части, изредка принимавшие служебные рейсы из округа, базировались в восьмидесяти километрах от областного центра. Стародавнее неудобство усугублялось запущенным состоянием дорог, особенно остро это давало о себе знать в последние годы. Трястись сотню километров по разбитым местным бетонкам очередные военные гости не захотели. И вопреки отработанным армейским правилам, посадку самолета заранее согласовали с гражданскими диспетчерскими службами. От местного гражданского аэропорта до районного центра, где базировались артсклады, езды оставалось всего полчаса.

Московский военный рейс стоял в планах единственным на весь день. Уже который месяц гражданский аэропорт работал с перебоями. Огромное хозяйство попросту простаивало. Посадочные полосы зарастали сорняками. Из-за сбоев в поставках горючего гражданские рейсы сократились до минимума. Персонал выходил на работу через день. Здание аэропорта открывали лишь для обслуживания московского рейса. Но и тот из регулярного, ежедневного превратился в полуофициальный, «коммерческий» и осуществлялся не чаще, чем два раза в неделю.

Погрузочная служба упразднила себя и вовсе. Редким пассажирам приходилось таскать чемоданы в руках и волоком поднимать их по трапам на борт самолетов. Пилоты приземлявшихся рейсов уезжали ночевать в городскую гостиницу, находившуюся в соседнем городке, где для них отводились постоянные номера. Дирекция аэропорта отмахивалась: пусть, мол, спят, пока не выспятся, тише едешь, дальше будешь. В обратный рейс пилоты приезжали не раньше, чем к обеду, а иногда даже позднее и всегда загруженные коробками с местными овощами и фруктами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.